

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

Б. С. Братусь

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ НА ФОНЕ ЗНАКОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье проведено сравнение представлений о психологии в современном общественном мнении и реального положения дел в психологической науке. Выявлено несоответствие между темпами развития прикладных отраслей психологии и обеспечением их со стороны фундаментальных исследований. Показано значение общепсихологической науки (в частности, работ кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ им. М.В. Ломоносова) в преодолении этого несоответствия.

Ключевые слова: общая психология, отрасли психологии, фундаментальная наука, Болонский процесс, современность, история психологии.

При входе на факультет психологии МГУ до недавнего времени висел красочный фотомонтаж, посвященный только что отшумевшему празднику 40-летия основания нашего факультета. Над ним крупной строкой реяли слова из Данте: «Сорокалетье взяв за середину...». Но вспомним то, что прикрыто многоточием, опущено: «Сорокалетье взяв за середину, я оказался в сумрачном лесу». И правильно, что убрали «сумрачный лес». Этот символ неясности дальнейших путей, кризиса никак не вязался с яркими фотографиями радостных лиц факультетских звезд, высоких гостей, аспирантов и студентов. В психологии сейчас скорее весна, апрель (как и за окном аудитории), и хоть забот множество, но то — заботы роста: что построить, что посеять, чтобы собрать новый урожай. Вот и отметим как несомненный знак современности то, что слова «психология» и «психолог» звучат нынче гордо, престижно, подъемно. Открыто множество дорогостоящих психологических консультаций, фирм, институтов. Психологи — неперемненные участники политических и об-

Работа поддержана грантом РГНФ № 07-06-00515.

Доклад на конференции «Ломоносовские чтения-2007» (МГУ, ф-т психологии, апрель 2007 г.).

шественных дискуссий, телевизионных программ — от сугубо развлекательных до весьма серьезных. Даже среди ведущих гляцевых изданий все более популярным становится недавно появившийся журнал «Psychologies». И хотя большинство страниц этого журнала, как и полагается «в гламуре», посвящены рекламе парфюмерии, косметики, бижутерии, часов и автомобилей, но именно психология является приманкой, кусочком сыра в мышеловке читательского внимания и сознания.

Однако для нас — сообщества профессиональных психологов — картина выглядит существенно иначе. Прежде всего, зададимся вопросом, насколько авторитетна психология для «властей предержавших», прислушиваются ли они к ее выводам, учитывают ли ее данные и рекомендации. К сожалению, совершенно справедливы слова нашего ректора В.А. Садовниченко: «Властные государственные структуры ждут и требуют от гуманитарной деятельности в любой ее форме — теоретической и практической — главного: подтверждения и обоснования своей значимости, они признают за истину только то в общественных науках, что доказывает целесообразность этих структур».

Действительно, давайте посмотрим на последние реформы. Например, монетизация льгот — экономически верная мера — привела, как известно, к социальному взрыву, инфарктам и смертям людей старшего поколения, огромным моральным и материальным потерям, и только потому, что психологически была совершенно не подготовлена. Процветающие пиар-агентства, конторы по социальным технологиям работают исключительно на выборы, перевыборы, раскручивание банков и фирм, а к реальной жизни миллионов не имеют никакого отношения. Или, например, в рамках проекта «Здоровье нации» принимается важное решение, направленное на повышение рождаемости: при рождении второго ребенка после января 2007 г. на его будущее откладывается внушительная сумма денег — так называемый «материнский капитал». Казалось бы, замечательная, долгожданная мера. Но авторов проекта никто не проконсультировал по поводу одной детали, и эта деталь — психологическая. Ведь тысячи беременных на тот момент женщин и их мужей решили, что их собирающиеся родиться раньше заветного срока дети «невыгодны» и потому подлежат ликвидации (аборту). В результате кривая рождаемости пошла не вверх, а вниз, дала, как принято говорить, седловину. Очевидно, что если бы в решении этой проблемы участвовали психологи, то жизнь тысяч человеческих душ была бы сохранена.

Наконец, посмотрим, что происходит со столь важной, непосредственно нас касающейся реформой высшего образования. В ее обсуждении голосов психологов пока практически не слышно. Правда, В.А. Садовнический, являющийся несомненным лидером в противостоянии так называемому «Болонскому процессу», сослался в одном из недавних выступлений на аналитическую записку по поводу «Болонского процесса», написанную социальным психологом. Эта записка заканчивается следу-

ющим обращением к европейскому университету: «Ты прекрасный город, где две башни могут всю жизнь спорить, какая из них выше другой. И в этом культура. И как ты можешь становиться символом бульдозера, который разровняет многообразие предметов и способов преподавания!» Но это ссылка не на отечественного, а на немецкого социального психолога — профессора Фрейбургского университета.

Можно привести множество примеров неучастия психологии в важнейших направлениях социальной жизни и явного перекоса в сторону обслуживания сложившегося рынка. С чего же начать устранение этого перекоса? Заставить властные структуры учитывать мнение психологов, принять законопроект об обязательной психологической экспертизе общественных постановлений, отказаться от запросов рынка, уйти с глянцевого страниц модных журналов? Вряд ли это сразу возможно: психологи вынуждены играть по достаточно жестким правилам сложившейся новой капиталистической жизни, выйти из-под власти которых — дело нешуточное.

Но это отнюдь не отменяет задачу определения роли и миссии нашей науки, ее самосознания, самостояния в современном мире. И тогда особое место в решении этой задачи начинает занимать *общая психология*.

Чтобы пояснить, обратимся к истории. Отступим примерно на сто лет от сегодняшнего дня, когда в России впервые ясно прозвучал сам термин «общая психология». Это случилось в период организации первого в России и одного из первых в мире психологических институтов, а именно Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском университете. В речи на открытии этого института в апреле 1914 года его основатель Г.И. Челпанов сказал: «Психология распадается на такие части, которые совершенно друг с другом не связаны. Вследствие этого психология начинает утрачивать свое единство и ей грозит распад... Нужно принимать меры к сохранению единства психологии. Такому объединению может способствовать Институт, если в нем главенствующее место будет занимать общая психология».

Итак, общая психология должна выявлять и являть единство психологии, ее лицо. Она не стоит над отраслями, а образуется при наложении отраслей. «Принципиально определяющая, как бы верховная роль общей науки, — писал Л.С. Выготский, — проистекает не из того, что она стоит над наукой, не сверху, а снизу, из самих же наук, которые делегируют свою санкцию истины в общую науку». Общая психология, таким образом, не просто пропедевтическая образовательная дисциплина, как это ныне часто представляется, а область живого соотнесения разделов и отраслей. Это соотнесение всегда сложно, противоречиво, напряженно, трудно, ибо ответ не дан, а задан, он не очевиден, а проблематичен. «Вся история психологии — это борьба за психологию в психологии», — писал Л.С. Выготский. Экстенсивное развитие часто приводит к тому, что в каждой новой отрасли появляется свой особый язык, становящийся уже малопонятным

строителям других отраслей, и его перевод, отнесение к единым корням — специальная забота общей психологии. В истории мы видим, как чередуются фазы этого процесса. И если образование отраслей можно сравнить с разбрасыванием камней, то общая психология занимается их собиранием. И всему, словами мудреца, свое время под солнцем. В 1914 г. о собирании и нахождении общих корней говорил Челпанов. Спустя пятьдесят лет, во время новой вспышки экстенсивного роста и «разбрасывания» отраслей, об этом стал говорить бывший аспирант и ученик Челпанова — А.Н. Леонтьев. В свойственной ему метафорической манере он сетовал, что психология стала расти «не в ствол, а в куст». И по сути, как мне думается, в его модели нашего факультета скрыто звучали, резонировали челпановские ноты, он принципиально выстраивал факультет не как куст, а как ствол и ветви на нем, где ствол — общая психология.

И, наконец, минуем еще примерно пятьдесят лет и вернемся к дням сегодняшним. Это опять время невиданной экстенсивности: новые грани, отрасли, практики психологии плодятся, как грибы после дождя. И опять актуальна тревога Челпанова, его ученика Леонтьева и нас — учеников Леонтьева. И сейчас мы можем повторить: психологии как целому грозит распад, она растет не в ствол, а в куст, и вопрос развития общей психологии — это вопрос единства нашей науки. Единство не в глазах несведущих властей и публики, а, прежде всего, в наших собственных — в глазах ответственных профессионалов и ученых. Ведь альтернатива может быть сформулирована достаточно жестко. Психология либо воспринимается и развивается как, в первую очередь, прикладная область, движущаяся в зависимости от тех или иных внешних запросов, либо входит в разряд фундаментальных дисциплин, без которых представление об универсуме человека является неполным. Понятно, что в первом случае у психологии короткое дыхание, ибо она отсекает себя от главного источника развития, пользуется накопленным до того опытом, который рано или поздно будет исчерпан. Во втором случае она обеспечивает себе саморазвитие, прямо не определяемое внешними потребностями. В первом случае она отвечает на требования и запросы, во втором — формирует их.

Под этим углом мы можем посмотреть на некоторые из названных проблем и знаков современности. Скажем, преимущественное использование психологии в сферах бизнеса, рекламы, в пиар-кампаниях, средствах массовой коммуникации и т.д. Нетрудно увидеть, что за этим лежит философия постмодернизма, отсутствие устойчивых ценностей. Истины нет, все в мире относительно, все лишь игра и перестановка соображений и фактов, их сплетение — сегодня одно, завтра другое. По данным В.М. Алахвердова, девяносто пять процентов психологических исследований посвящено выявлению корреляционных зависимостей. Все со всем связано и ничто не предпочтительно. Наука воспринимается как гипертекст, который можно читать с любого места и в любую сторону.

Но против этого восстают законы восприятия: каждый человек хочет что-то выявить, выделить, определить как главное. Задача рынка — играть на этом желании и внедрить в качестве главного то, что ему (рынку) сегодня выгодно, — товар, услугу, идею, фигуру политика. И здесь возникает «гламур» — яркая обложка, реклама того, что сегодня *назначается* главным. Это похоже на систему подчеркиваний, цветных карандашей, которыми выделяются отдельные фразы гипертекста. Наука, подчиняющаяся такой системе внешних назначений, перестает быть способом постижения истины и блага, а ее выводы лишаются онтологического статуса. И тогда мы не должны удивляться тому, что популярная заметка об экзистенциально-психологическом подходе к одиночеству и страданию будет непротиворечиво соседствовать на одном развороте модного журнала с рекламой духов и автомобилей, не задевая при этом профессиональных чувств авторов и формируя у читателей соответствующее представление и о психологии, и о науке вообще. Это все равно, что представить себе серьезную научную статью о катастрофе глобального потепления, сопровождаемую красочной рекламой крема для загара и купальников. Наука воспринимается как модная услуга, ученый ставится на одну ступень с визажистом, мастером макияжа и парикмахером. Странно ли после этого, что образование у нас в стране определяется как сфера услуг, а к фундаментальным научным проблемам относят транспорт и дороги (надо бы еще — по Гоголю — и дураков). Астрофизику, например, предлагают полностью отнести к проблеме дорог, считая, видимо, что есть дороги грунтовые, асфальтовые, железные, воздушные и *космические*. А раз так, то астрофизика должна их обслуживать. К сожалению, это не шутка, а выдержки из документов Министерства образования РФ, которые рассматривались в марте 2007 г. на общем собрании директоров институтов РАН. Так что сведение науки, в частности психологии, к рангу сферы услуг — более чем серьезный симптом, связанный с общим отношением (точнее, с упадком этого отношения) к фундаментальному знанию.

Борьба с этим упадком только внешне может казаться частным делом теоретиков. Это общее дело, и не только психологов, но и всего современного ученого мира. Упадок отношения к науке — это ведь и упадок отношения к человеку, который из существа смыслопостигающего и познающего (*cogito ergo sum*) низводится до существа потребляющего. И не мудрено, что наука и образование становятся при этом лишь услугой, обслуживанием разрастающегося потребления.

В заключение скажу кратко о нынешней кафедре общей психологии. Внутри самой большой на факультете и старейшей кафедры (в октябре 2007 г. ей исполняется 65 лет) ведутся фундаментальные разработки практически по всем разделам общей психологии: ощущение и восприятие, внимание, память, мышление, мотивы, эмоции, сознание, личность, а также по истории психологии, экспериментальной психологии, зоопси-

хологии, психологии общения, массовых коммуникаций, психологии познавательной деятельности, опосредствованной новыми компьютерными технологиями, философии и методологии психологии. Такое разнообразие иногда порождает нарекания коллег: мол, не кафедра, а целый институт.

Согласен. По качеству, разнообразию ученой продукции и авторитету кафедра общей психологии может успешно конкурировать с любым психологическим институтом. Например, только за 2003—2004 гг. сотрудники кафедры опубликовали 27 монографий и учебных пособий объемом 341 печатный лист, а также 277 научных статей и тезисов. Кафедра единственная на факультете начала выпуск собственных «Ученых записок», к настоящему времени издано два тома (2002, 2006) общим объемом 57 печатных листов. В 2004 г. на кафедре началась работа над фундаментальным учебником по общей психологии в семи томах. К этому времени вышло четыре тома: «Введение в психологию» (2005, второе издание — 2007), «Память» (2006), «Внимание» (2006), «Ощущение и восприятие» (2007) общим объемом 98 печатных листов. Это издание уже окрестили «коллективным Рубинштейном», имея в виду созданный С.Л. Рубинштейном знаменитый учебник «Основы общей психологии» (1940, 1946). С тех пор вышло много учебников по общей психологии, но надо признать, что не один из них не только не соответствовал университетским требованиям и уровню, но очень часто авторы даже и не ставили перед собой задачу такого соответствия.

Если определять главное, то оно не в самих по себе достижениях (при всей их значимости), а в том, что на кафедре осуществляется непосредственное соотнесение (философ сказал бы «снятие») частного психологического знания, в результате чего оно становится общим (общепсихологическим) знанием. Отсюда следует, что удержание единства кафедры — принципиальная задача факультетского и общенаучного масштаба, образ живого соотнесения, бытия научной психологии как целого, а не составленного из кусочков (не полипняка, как говорил А.Н. Леонтьев), — древа, а не куста.

Разумеется, разница между теоретической идеей и конкретным (здесь и теперь) воплощением всегда будет значительной, а порой — озорчатой. Но в науке, как и в жизни, важны не отдельные подъемы и спуски, а верный выбор пути и постоянство усилий в его одолении. Образовательная и научная модель психологии в Московском университете, центральное системо- и смыслообразующее положение в которой занимает общая психология, была задумана Г.И. Челпановым и заложена А.Н. Леонтьевым. Верность этого выбора доказана сорока годами признанного лидерства факультета в отечественной психологии. Ясно, что наша задача и долг — не сбиться с этого пути.